

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. П. Бетеня

ВИДО-ВРЕМЕННАЯ ПОДСИСТЕМА АНГЛИЙСКОГО
И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена сопоставительному описанию видо-временных форм глагола в английском и белорусском языках. В английском языке более детально анализируются, в частности, формы континууса и перфекта с точки зрения подходов к трактовке их категориального статуса и семантики. Далее проводится обзор видо-временных форм глагола в белорусском языке. В результате межъязыкового сопоставления полученных данных выявляются универсальные и специфические черты оформления видо-временных подсистем в английском и белорусском языках.

Контрастивный, или сопоставительный, подход к описанию языков базируется на предположении о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий [1, с. 29–30]. К языковым подсистемам, в рамках которых дифференцирующие различия проявляются наиболее ярко можно по праву отнести видо-временные подсистемы английского и белорусского языков. При их сопоставлении представляется возможным выявить различные способы выражения внешнего мира, которыми, как утверждал В. Скаличка, языки и отличаются [2, с. 29].

Прежде, чем рассуждать о специфике видо-временных подсистем двух сопоставляемых языков, следует обратить внимание на вопрос, связанный с различием *объективного времени* и *времени грамматического*. Эту разницу в терминологии четко фиксирует английский язык, где для обозначения указанных понятий существует два разных термина – *time* и *tense*. *Time* – это объективное время, представляющее собой форму существования материи, «понятие большой степени общности и абстрактности, одно из базовых понятий науки, философии и культуры» [3]. Грамматическая семантика любого глагола содержит указание на временной фактор. Грамматическая же категория времени (*tense*), отображающая категорию объективного времени (*time*), «локализует процесс действия на временной оси по отношению к моменту речи» [4, с. 123]. Момент речи, как отмечает В. Ш. Богоутдинов, является точкой отсчета, которая соотносит объективное время с относительным (то есть грамматическим) языковым временем [5, с. 3]. Таким образом, в языковой структуре отражается соотношение между временем совершения действия и временем произнесения высказывания. Грамматическая форма времени может совпадать с объективным временем, то есть быть одновременной с ним, или предшествовать этому объективному времени. Одновременность действия может быть соотнесена с объективным настоящим, объективным прошедшим и объективным будущим [4, с. 123]. Такое ограниченное число планов объективного времени в языках отображается, как правило, различным числом форм грамматического времени.

В основании системы личных глагольных форм английского языка лежат следующие три признака.

1. Отношение действия к моменту речи.

Проявление данного признака – это привычная нам градация временных форм по шкале «прошедшее – настоящее – будущее» (Past – Present – Future).

2. Характер протекания (способ совершения) действия.

В этом случае различают общие/неопределенные/индефинитные формы и формы длительные/прогрессив/континуус/континуатив (Indefinite – Continuous/Progressive).

3. Соотнесенность времени совершения действия с другим действием или моментом, принятым за точку отсчета. Согласно этому признаку выделяют перфектные формы (Perfect), противопоставляемые неперфектным.

Примечательно, что лишь первый признак обладает собственно временным значением. Два других носят несколько атрибутивный, описательный характер (по сравнению с временным признаком). Не случайно статус данных групп форм получает разную трактовку у авторов, что не может не повлиять как на количественный состав выделяемых глагольных категорий вообще, так и на состав категории времени в частности.

Рассмотрим некоторые подходы к трактовке именно данных грамматических форм (а именно прогрессива и перфекта).

Характер протекания действия получает однозначную интерпретацию у лингвистов, единодушно определяющих данное значение как присущее категории вида. Иными словами, данные формы представляют собой самостоятельную глагольную категорию грамматически оформленного вида, или *аспекта* (aspect)¹, в рамках которой формы прогрессива имеют значение процессуальности, конкретного протекания действия. Сторонниками такого подхода являются Л. С. Бархударов, И. П. Иванова, Б. А. Ильиш, А. И. Смирницкий, В. Я. Плоткин, И. Б. Хлебникова, В. Н. Ярцева, в зарубежной лингвистике Н. Б. Телин, А. Тимберлейк, С. Чанг и другие грамматисты (см. [1; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]). М. Я. Блох выделяет вид *развития* (category of development): континуум – индефинитум, где категориальное значение раскрывает природу развития глагольного действия, (наряду с видом ретроспективной координации: перфект – имперфект) [18, с. 151].

Взгляд на формы континууса как на категорию вида отражен и в ряде ведущих коммуникативных грамматик английского языка такими авторами, как Р. Картер, Р. Куирк, С. Гринбаум, Д. Лич, Ж. Свартвик², А. Даунинг

---

¹ Термины для обозначения данной категории: *общий – продолженный вид, длительный – недлительный; прогрессив*; английские названия оппозиции: *Indefinite/Common – Continuous aspect, Progressive – Non-progressive aspect, Durative aspect*.

² Данные авторы говорят о двух маркированных видах: прогрессив и перфект (progressive aspect и perfect/ive aspect) [19, с. 286; 20; 21, p. 41].

и Ф. Лок¹ (которые опираются в своих исследованиях на системно-функциональную модель грамматики М. Халлидея), Н. А. Кобриной и др., Р. В. Резник и др. [20; 21; 22; 23; 24; 25]. В целом, по мнению авторов много-томного энциклопедического издания «Языки мира», трактовка длительных форм как категории вида является наиболее распространенной концепцией [26, с. 61].

Необходимо отметить, что, выделяя вид в самостоятельную глагольную категорию, вышеназванные ученые тем не менее делают ссылку на то, что эта категория тесно связана с категорией времени.

Более неоднозначные рассуждения существуют по вопросу трактовки третьего критерия, т.е. по вопросу о месте перфекта в системе видо-временных форм. При обсуждении данной проблемы мнения в основном поляризуются в трех направлениях. Одно из них мы уже затрагивали при обсуждении статуса форм континууса – сторонники этого направления относят перфектные формы к категории вида. Второе направление представлено взглядами тех англистов, которые трактуют данные формы как формы вторичного времени. Приверженцы же третьего направления выделяют перфект в составе иной самостоятельной – невидовой и невременной – категории.

Достаточно глубокие корни имеют теории, рассматривающие форму перфекта как выражение категории вида. Так, Е. Крейзинга считал эту форму *результативным видом* [27]. Результативное значение как основное значение перфекта отмечал и О. Есперсен, определявший эту форму как *ретроспективный вид*, чье значение связывает существующий на данный момент результат с вызвавшим его в прошлом действием [28]. М. Дейчбейн также рассматривал перфект в качестве *ретроспективного вида*, когда субъект, находящийся на линии времени, смотрит назад и пропускает время мимо себя [29]. Н. Г. Воронцова описывает перфект как категорию *трансмиссивного вида*, т.е. вида преемственности [30, с. 191]. Как аспектуальные рассматривают формы перфекта В. Я. Плоткин, С. Чанг, А. Тимберлейк [10; 11; 16]. Современные нормативные грамматики также склонны относить перфектные формы к видовым [20; 21; 24; 25; 31].

Взгляд на формы перфекта как временные находим у Г. Суита и Д. Кэрма, которые относят их к формам вторичного времени [32; 33].

Ряд лингвистов рассматривают перфект как некий синтез видовых и временных значений.

Так, И. П. Иванова, выделяя предшествование как основное значение перфекта, утверждает, что данное значение вытекает из другого, видового, значения, а именно: законченности, завершенности действия; поэтому перфект представляет собой сочетание видового и временного значения, так как никакие видовые формы не существуют вне сочетания с временным значением,

---

¹ Данные авторы соотносят вид (aspect) с двумя типами противопоставлений: длительный/точный (точечный) (durative/punctual) и совершенный/несовершенный (perfective/imperfective). Грамматическая категория вида в английском языке представлена оппозицией длительный/недлительный (progressive/non-progressive). Причем длительный вид (progressive aspect) является частным случаем выражения значения несовершенности (imperfectivity) или незавершенности (incompletion).

ибо соотношенность во времени обязательна, и то или иное видовое значение выявляется только на фоне этого соотношения во времени, на которое накладываются видовые отношения [8, с. 62]. Таким образом, И. П. Иванова рассматривает перфектные формы как видовременные. Однако видовые значения предстают здесь в ином свете: если длительный вид выражает процессуальное протекание действия, то перфект обозначает полноту протекания действия, когда действие берется синтезировано, неразложимо [Там же, с. 184].

Л. М. Локштанова квалифицирует перфектные формы как категорию темпорального аспекта, рассматривая его в рамках гиперкатегории времени, о которой подробнее скажем ниже [34, с. 423–424].

М. Я. Блох выделяет отдельную категорию, которую называет видом «ретроспективной координации» (category of retrospective coordination), в которой перфект координирует два времени, локализуя одно из них в ретроспекции по отношению к другому [18, с. 151–152; 35, с. 92].

Третий подход к проблеме перфектных форм связан с выделением их в отдельную категорию, отличную от категории вида¹. Так, А. И. Смирницкий классифицирует эти формы как *кате́горию временной отнесенности* (time correlation) со значением предшествования, т.е. когда действие выражается не само по себе, а как отнесенное к какому-либо последующему моменту или другому действию [12]. Такую же категорию – отличную и от времени и от вида – выделяют Л. С. Бархударов [6], Д. А. Штелинг [36, с. 149]. Б. А. Ильиш, принимая в общем классификацию глагольных форм, предложенную А. И. Смирницким, предпочитал термин *кате́гория соотношенности*² и оговаривал, что вопрос этот нельзя считать решенным окончательно, так как определение грамматического значения перфекта представляет большие трудности, поскольку перфект не всегда выражает предшествование и предшествование в свою очередь выражается не только перфектом [9, с. 93]. И. Б. Хлебникова, описывая перфектные формы, называет их *кате́горией перфектности* или *временной относительности* (perfectness/temporal relativity) [15]. Американский лингвист М. Джус пишет о существовании особой категории «фазы» в системе английского глагола³. Этот же термин – наряду с термином *временной соотношенности* – использует И. П. Верховская, когда говорит об особой категории *фазы* (phase or time correlation), которая проявляется посредством оппозиции перфектных и неперфектных форм [38, с. 16]. О категории временной соотношенности говорят и авторы

---

¹ При таком подходе термин *видо-временная подсистема* неточно отражает то содержание, для описания которого он и используется, так как данное название не содержит ссылки на категорию перфекта.

² Термин введен в 1958 г. Е. Н. Аксютинной в работе «Единая система глагола и комплексный путь обучения грамматике» [37], по содержанию соотносится с термином А. И. Смирницкого, однако при этом исключен элемент *временной* (ср. *временной отнесенности* – *соотношенности*).

³ Он заимствует этот термин из теории электрической цепи: при употреблении неперфектных форм действие и его последующий эффект находятся «в фазе», они одновременны, тогда как действие, обозначенное перфектной формой, находится «не в фазе» с его последующим эффектом, который ощущается позднее. Для перфектной формы, по М. Джусу, важно не само действие, а его последствие [28].

энциклопедии «Языки мира», описывая английский язык [26, с. 62]. Иными словами, за всеми этими терминологическими вариантами имплицитно содержатся поиски именно контенсивных, смысловых потенциалов перфектных форм в их максимальной детализации. И вопрос из схоластико-терминологического превращается в когнитивно-коммуникативный, что и представляет для современной науки наибольший интерес.

Если вновь обратиться к авторам коммуникативных грамматик английского языка, здесь также следует отметить многообразие терминологического аппарата, используемого для описания перфектных форм. Так, если Н. А. Кобриня применяет формулировку *категория перфекта* (category of perfect) по отношению к данным формам, то Р. В. Резник называет данную категорию *категория порядка* (category of order) [39, с. 22; 40, с. 82], а А. Даунинг говорит о такой характерной черте грамматического значения, как *антериорность* (anteriority), т.е. *предшествование*, которое выражается перфектной формой. При этом антериорность находится в одном ряду с такими чертами грамматического значения, как время, аспект и т.п. [22, р. 320].

Однако заметим, что и при трактовке перфекта как категории вида, и при выделении его в отдельную – отличную от видовой – категорию, неизменно подчеркивается связь этой формы с категорией времени. Более того, ряд лингвистов трактуют перфектные формы как разновидность временных (Б. Комри, М. Халлидей) [40; 42].

До сих пор мы уделяли внимание обсуждению второго и третьего признаков, лежащих в основе системы личных глагольных форм. При этом исходили из того, что первый признак дает нам привычную и достаточно ясную классификацию времени на настоящее, прошедшее и будущее (подобное представление находим у А. И. Смирницкого, а также Д. А. Штелинга, И. П. Верховской, И. Б. Хлебниковой, Н. А. Кобриной, Р. В. Резник и др.). Однако такое традиционное представление о данной категории не является абсолютным (см. [6, с. 125–126; 18, с. 135; 21; 22, р. 353; 23; 24; 25; 35, с. 92; 36, с. 227–229; 43, с. 324]). Ограничимся здесь только констатацией данного факта, не останавливаясь подробно на иных трактовках категории времени.

Подводя итоги обзору трактовок статуса глагольных форм, традиционно называемых видо-временными, следует еще раз отметить, что они получают неоднозначную интерпретацию у разных лингвистов, которые обращают внимание на то, что данные категории – это категории взаимосвязанные (см., например: Н. Телин¹, А. Тимберлейк², Э. Даль, Р. Тирофф, С. Чанг и др. [13; 14; 16; 44; 45]), так как они выражают тесно взаимосвязанные стороны действия [9, с. 98]. Иными словами, данные категории выступают в виде сопряженного *аспектуально-темпорального комплекса*, являются «внутренне сопряженными» [46, с. 50].

---

¹ Н. Б. Телин отстаивает главенствующую роль вида в тандеме «время – вид». По его мнению, временная перспектива обнаруживает зависимость от аспектуальной [17].

² А. Тимберлейк говорит о единой категории время-аспект (a single category of tense-aspect) [16, с. 256; 14, с. 443].

Эти взаимосвязанные категории существуют в определенной иерархии по отношению друг к другу и к другим глагольным категориям. Так, Л. М. Локштанова отходит от узкого, по ее мнению, понимания традиционного термина грамматическая категория времени и говорит о *гиперкатегории времени*, состоящей из 4 грамматических категорий: 1) категории пространственно-временного дейксиса (противопоставление претеритальных и презентных форм), 2) категории темпорального аспекта (фокуса, границы, предела), где перфектные формы противопоставлены неперфектным, 3) категории следования (футуральные формы) и 4) категории длительности (оппозиция длительные – недлительные формы) [34, с. 423–424]. Термином *гиперкатегория* оперирует и В. Я. Плоткин, при этом он именуется ее *видо-временной гиперкатегорией*, включающей категорию времени и категорию вида [10, с. 82].

И. Б. Хлебникова группирует абстрактные грамматические категории времени (аспекта), перфектности вместе с категорией залога (активного залога) в одну неразделимую «*суперкатегорию*», охватывающую всю совокупность глагольного словаря [15, с. 33]. А Д. А. Штелинг считает основными глагольными категориями современного английского языка категории вида, временной отнесенности и залога, так как они пронизывают всю глагольную систему и конституируются противопоставлением двух форм глагола – аналитической и неаналитической. Категория *времени*, по его мнению, является принципиально иной¹, так как она является *предикативной категорией* (наряду с категориями наклонения и лица) и связана с самой сущностью речевого акта, с межперсональными отношениями [36, с. 223, 227].

У М. Я. Блоха категория времени, точнее сказать, категории времени, ибо он выделяет их две, входят в состав более широкой в содержательном отношении и находящейся на более высоком уровне в иерархическом отношении категории финитности² (*category of finitude*)³. Суть данной категории составляет выражение или невыражение грамматического времени вместе с выражением или невыражением грамматического наклонения, репрезентированных в личной форме. Это является основанием для подразделения всех глагольных форм на личные и неличные⁴ [18, с. 101].

Помимо упомянутых подходов к трактовке статуса глагольных форм английского языка следует отметить концепцию И. П. Ивановой, которая группы видо-временных форм – основную, длительную, перфектную и пер-

---

¹ Еще А. И. Смирницкий писал о «принципиально иной» природе категории времени (как и категорий наклонения и лица), так как эти три категории свойственны лишь части глагольных форм (предикативным формам), «поэтому они не могут быть выделены в качестве грамматических категорий, характерных для глагола как части речи» [12, с. 240].

² Идея выделения подобной категории высказывалась еще А. И. Смирницким, который называл ее категорией репрезентации [12, с. 245–248], а затем Л. С. Бархударовым, который считал, что данная категория обнаруживается путем противопоставления всего множества *личных* (*finite*) *форм* всему множеству *неличных* (*non-finite*) *форм* по признаку *предикативность – непредикативность* [47, с. 107].

³ Термин *finitude* введен Б. Стрэнг [31].

⁴ М. Я. Блох не определяет статус форм вида в рамках данной категории финитности.

фектно-длительную – называет *разрядами*. Введение этого термина данный автор мотивирует тем, что в русской грамматической терминологии нет терминов, соответствующих английской глагольной системе, где каждое *время* может иметь четыре *формы*, и в связи с отсутствием в русском языке терминов, подобных английским *time* и *tense*. Таким образом, у И. П. Ивановой мы находим разряды, обозначающие группы личных форм, при сохранении термина *время* в его обычном грамматическом значении (например: настоящее время основного (простого) разряда). Три основных деления времени выражаются – согласно классификации И. П. Ивановой – четырьмя парадигматическими разрядами, составляющими четыре группы личных форм, которые представлены 14 формами глагола. Среди них один разряд – основной (Indefinite) – является сугубо временным, так как не несет дополнительного видового значения. Остальные три разряда являются видо-временными (в этих разрядах временное значение осложнено значением вида, который тесно переплетается с категорией времени) и выполняют функцию детализации действия (в плане одновременности или предшествования) [8, с. 54, 57]. Подобное мнение высказывает и И. Б. Хлебникова. Объединяя категории времени и вида в одну микросистему, она отмечает, что непосредственным экспонентом времени является индефинитный ряд (indefinite set), где единственный маркированный дифференцированный признак – это признак времени [15, с. 70].

В нормативных грамматиках также отражаются все рассмотренные выше подходы к трактовке глагольных категорий при описании значений, присущих формам глагола. Так, А. Даунинг последовательно рассматривает значения всех трех категорий – времени, аспекта и антериорности (предшествования) [22]. И. П. Верховская использует модель И. П. Ивановой и анализирует глагольные формы поразрядно (хотя и не оперируя этим термином): сначала она описывает значения индефинитных форм (настоящего, прошедшего и будущего времени), затем таким же образом континуус и т.п. [38]. В грамматике Н. А. Кобриной при анализе значений берется за отправную точку категория времени: каждое из четырех (четвертое грамматическое время – это формы будущего в прошедшем) грамматических времен представлено четырьмя глагольными формами, сочетающимися в себе категории вида и перфекта. Следовательно, сначала анализу подвергаются все четыре формы настоящего времени, затем прошедшего и т.п. [39]. Д. Лич и Ж. Свартвик исследуют значения форм грамматических времен в ракурсе отражения ими объективного времени: объективного настоящего, объективного прошедшего и объективного будущего [23].

Таким образом, не существует единого мнения по поводу категоризации¹ личных форм английского глагола. Как правило, эти формы в теоретических грамматиках английского языка классифицируются как ряд самостоятельных категорий временного и невременного характера. При этом подчеркивается неразрывная взаимосвязь этих категорий, как правило, при ведущей роли категории времени.

---

¹ Под категоризацией мы, вслед за с И. Б. Хлебниковой, понимаем конструирование парадигматических рядов форм, выражающих грамматические категории [15, с. 44].

Завершая обзор трактовок грамматических категорий английского глагола, добавим, что целый ряд лингвистов объединяют их в единую категорию и используют термин *категория вида и времени* или *видовременная (под)система*, подчеркивая тем самым сопряженность данных категорий. При этом данное наименование не отражает специфику форм категории временной отнесенности. Возможно, определенным компромиссом в этом случае явилось бы объединение вышеописанных грамматических категорий в рамках *темпорально-аспектуально-таксисного комплекса* по аналогии с идеей Р. З. Мурясова, который использует термины *аспектуально-темпорально-таксисный комплекс* (по отношению к длительным формам английского языка) и *аспектуально-темпоральный комплекс* (по отношению к временным формам русского языка) [48, с. 91]. Однако мы все же отдаем предпочтение традиционному термину *видо-временная подсистема* по отношению к английскому языку, вкладывая в него содержание, аналогичное содержанию термина *аспектуально-темпоральный комплекс*, использование которого является несколько затруднительным из-за его громоздкости.

На фоне количественного многообразия видо-временных форм в английском языке видо-временные отношения белорусского языка представляют собой относительно простую систему.

В современном белорусском языке глагол имеет три формы времени: формы настоящего (*цяперашні час*), прошедшего (*прошлы час*) и будущего времени (*будучы час*). Функционирование временных форм белорусского языка связано с глагольным видом [49, с. 161–162; 50, с. 215; 51; 52, с. 90; 53, с. 171; 54, с. 189; 55, с. 609]. Так, тесное взаимодействие категорий вида и времени в белорусском языке иллюстрируется и следующими примерами: для глаголов несовершенного вида характерны формы настоящего, прошедшего и будущего сложного времени; глаголам совершенного вида свойственны формы прошедшего и будущего простого времени.

Несмотря на то, что категории вида и времени тесно связаны между собой, эта связь представляет собой зависимость несколько иного плана по сравнению с английским языком. Видовые значения в белорусском и английском языках по-разному описывают семантику глагольных форм. В белорусском языке основное видовое различие проходит по линии выражения отношения действия к своему внутреннему пределу, в связи с чем в этом языке выделяются два вида: *несовершенный* и *совершенный вид* (*незакончанае* и *закончанае трыванне*). В английском языке категория вида проявляется через противопоставление «длительность действия» – «факт совершения действия в целом» [12, с. 321–322]. Кроме того, в отличие от белорусского языка, где глаголы совершенного и несовершенного вида образуют соотносительные пары лексических единиц, обладающие каждая своими морфологическими признаками и характеристиками и формирующие два ряда соотносительных форм, в английском языке глаголы общего и длительного вида таких пар не образуют. Каждый глагол в английском языке, кроме некоторых исключений, может принимать как форму общего, так и форму длительного вида, иными словами, глаголы в английском языке соотносительных видовых пар не образуют, т.е. признака, характерного для белорусского языка, не имеют.

Таким образом, очевиден тот факт, что нет прямого соответствия между содержанием видовых отношений в английском¹ и белорусском языках. Наглядно их формальные взаимоотношения могут быть представлены следующим образом (см. подробнее [56]):

COMMON ASPECT	CONTINUOUS ASPECT
ЗАКОНЧАНАЕ ТРЫВАННЕ	НЕЗАКОНЧАНАЕ ТРЫВАННЕ

Ряд ученых стали выделять в особую лексико-грамматическую категорию *способ глагольного действия* (*спосаб дзеяслоўнага дзеяння*), грамматическими значениями которого являются значения начала, ограничения, результативности, однократности (мгновенности), многократности, прерывности, сопровождения и распределения (дистрибутивности). Тот факт, что отдельные значения категории способа глагольного действия стоят на границе видо- и словообразования, свидетельствует о том, что данная глагольная категория является не чисто грамматической, а лексико-грамматической. Вместе с тем значения результативности, однократности и многократности уже в значительной мере приближаются к чисто грамматическим [57, с. 34–36]. А в грамматиках способы глагольного действия называются семантическими группами глагола, которые тесно связаны с категорией вида [53, с. 162–164]. На наш взгляд, значения данной лексико-грамматической категории соотносимы в определенной степени с содержанием понятия вида в английском языке (ср. *способ глагольного действия* и *вид как способ протекания действия*, например, у И. П. Ивановой).

При более пристальном взгляде на временные формы белорусского языка за их кажущейся внешней простотой выявляются довольно противоречивые тенденции, указывающие на наличие неоднородных элементов среди этих форм. Так, спорным является вопрос о самостоятельности так называемого *сложного прошедшего времени* (другие термины: *давнопрошедшее*, *предпрошедшее*, *плюсквамперфект*) ввиду его сравнительно небольшой степени употребляемости, ограниченной средой разговорной речи и жанром художественной литературы. На этом основании данная форма часто включается в состав прошедшего времени как одна из разновидностей форм этого времени – сложная форма прошедшего времени со значением давнопрошедшего времени, которая показывает, что действие произошло ранее другого прошедшего действия [50, с. 217; 53, с. 176; 55, с. 609; 58, с. 371].

Однако, если провести параллель с английским языком и признать за этой формой существование независимого значения – *плюсквамперфектного* [59, с. 289], – то оказывается вполне правомерным выделение этой формы как четвертого типа временных конструкций² в белорусском языке.

При анализе конструкций этого типа четко вырисовывается еще одна аналогия с английским языком. Сложные формы прошедшего времени в бе-

¹ В. Я. Плоткин отмечает, что сам термин *вид* сложился на славянском материале, где соответствующее грамматическое явление очень специфично и мало напоминает то, что обозначается этим термином в англистике [11, с. 119].

² Мы вслед за В. С. Храковским определяем термин *конструкция* как «последовательность заданных классов слов, связанных функциональными отношениями» [60, с. 210].

лорусском языке характеризуются релятивным, то есть относительным, значением. Сложные формы прошедшего времени в белорусском языке обозначают прошлое завершённое действие, которое соотносится не с планом настоящего, а с другим прошлым действием или с определенным периодом времени в прошлом. И хотя лингвисты называют эти глагольные формы *сложными формами прошедшего времени*, они в то же время подчеркивают, что такие формы являются живой грамматической категорией белорусских говоров, разговорной речи, а также – под их влиянием – художественной литературы [59, с. 289; 61, с. 131].

Традиционно грамматики описывают два типа форм будущего времени – *будущее простое* (синтетическая форма) и *будущее сложное* (аналитическая форма). Однако следует указать также на факт выделения так называемого *будущего сложного II* (*будзе прапала, будзем як пад лёд праваліліся*), «остатки» которого можно обнаружить в некоторых белорусских говорах [61, с. 132]. Упоминание об этих формах находим и в грамматике Б. А. Тарашкевича, который называет их *предбудущим временем* (*прадбудучы час*) [62, с. 97].

Таким образом, складывается сложная и неоднозначная корреляция семантики форм английского и белорусского языков.

Сопоставляя видо-временные подсистемы белорусского и английского языков, констатируем, что данные языковые подсистемы отличаются, прежде всего, количественными показателями личных глагольных форм, что влечет за собой отсутствие однозначного соответствия между этими подсистемами. Наглядно это соотношение может быть представлено в виде следующей таблицы.

Соотношение видовременных форм в английском и белорусском языках
(на уровне языковой системы)

Видовременные формы		Белорусский язык	Английский язык
План	настоящего времени	1. Цяперашні час	1. Present Indefinite Tense 2. Present Continuous Tense 3. Present Perfect Tense 4. Present Perfect Continuous Tense
	прошедшего времени	1. Прошлы час 2. Складаны прошлы час	1. Past Indefinite Tense 2. Past Continuous Tense 3. Past Perfect Tense 4. Past Perfect Continuous Tense
	будущего времени	1. Будучы час: 1) форма будучага простага 2) форма будучага складанага I 3) форма будучага складанага II	1. Future Indefinite Tense 2. Future Continuous Tense 3. Future Perfect Tense 4. Future Perfect Continuous Tense + формы Future-in- the-Past ¹

¹ Грамматические времена, вопрос о самостоятельности которых является спорным.

Итак, данные таблицы наглядно демонстрируют количественное несоответствие временных форм, которые входят в состав категории вида и времени белорусского и английского языков. Однако это ни в коей мере не влечет за собой смысловое несоответствие, так как в основе грамматических явлений языка лежат логические категории, универсальные для человеческого мышления вообще. Иными словами, нет принципиальной невозможности выразить все оттенки временных значений одного языка в другом языке с алломорфной структурой временных систем. При этом единственной возможностью найти какие-либо общие величины, которые создали бы благоприятные условия для сопоставления видо-временных форм родного и английского языков, следует признать, по словам В. Д. Аракина, установление общих значений (т.е. сем), выражаемых этими формами в родном и английском языках [63, с. 85]. Такой исходно-семантический подход к языковым фактам, как справедливо замечает А. В. Бондарко, может служить основой для сопоставления языков разных типов [64, с. 12].

Количественное несоответствие видо-временной системы английского языка видо-временной системе белорусского языка снимается в речевом контексте за счет привлечения дополнительных языковых средств (контекста и конситуации) [65; 66]. Изучение таких компенсационных средств языка представляет собой, по мнению В. Г. Гака, важный аспект грамматики речи [67, с. 161].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ярцева, В. Н.* Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1981. – 109 с.
2. *Скаличка, В.* Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в лингвистике / под общ. ред. В. Г. Гака. – М., 1989. – Вып. 25. – С. 27–31.
3. *Степанов, Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – С. 171.
4. *Нехай, О. А.* Сравнительная типология английского и белорусского языков / О. А. Нехай, Т. В. Поплавская. – Минск : Высш. шк., 1983. – 173 с.
5. *Богоутдинов, В. Ш.* Система времени и вида в английском и немецком языках / В. Ш. Богоутдинов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 32 с.
6. *Бархударов, Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Высш. шк., 1975. – 156 с.
7. *Иванова, И. П.* Вид и время в современном английском языке / И. П. Иванова. – Л. : ЛГУ, 1961. – 200 с.
8. *Иванова, И. П.* Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.
9. *Ильиш, Б. А.* Строй современного английского языка : учебник (на англ. яз.) / Б. А. Ильиш. – 2-е изд. – М. ; Л. : Просвещение, 1971. – 368 с.
10. *Плоткин, В. Я.* Грамматические системы в английском языке / В. Я. Плоткин. – Кишинев : Штиинца, 1975. – 127 с.

11. *Плоткин, В. Я.* Строй английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / В. Я. Плоткин. – М. : Высш. шк., 1989. – 239 с.
12. *Смирницкий, А. И.* Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
13. *Телин, Н. Б.* Познание, перспектива и метафора времени / Н. Б. Телин // Типология вида: Проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сент. 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М., 1998. – С. 430–443.
14. *Тимберлейк, А.* Вид глагола как история / А. Тимберлейк // Типология вида: Проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сент. 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М., 1998. – С. 443–453.
15. *Хлебникова, И. Б.* Основы английской морфологии : учеб. пособие (на англ. языке) / И. Б. Хлебникова. – 2-е изд., стер. – М. : ЧеРо, 2001. – 128 с.
16. *Chung, S.* Tense, aspect, mood / S. Chung, A. Timberlake // Language Typology and Syntactic Description / ed. by T. Chopen. – Cambridge Univ. Press, 1985. – Vol. 3 : Grammatical Categories and the Lexicon. – Ch. 4. – P. 202–258.
17. *Thelin, N. B.* A- and B-series, tenses vs. tenseless theories and the causality-time interdependence / N. B. Thelin // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст. – М., 2002. – С. 22–32.
18. *Блох, М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка : учебник (на англ. яз.) / М. Я. Блох. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2000. – 381 с.
19. *Лич, Дж.* Коммуникативная грамматика английского языка : пособие для учителя (на англ. яз.) / Дж. Лич, Я. Свартвик. – М. : Просвещение, 1983. – 304 с.
20. *Carter, R.* Cambridge Grammar of English / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge Univ. Press, 2007. – 973 p.
21. *Quirk, R.* A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk [et. al.]. – N. Y. : Longman Inc., 1992. – 1779 p.
22. *Downing, A.* A University Course in English Grammar / A. Downing. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice Hall Macmillan, 1995. – 652 p.
23. *Leech, G.* A communicative grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – 2nd ed. – N. Y. : Longman Publ., 1996. – 423 p.
24. *Celce-Murcia, M.* The grammar book. An ESL/EFL Teacher's Course / M. Celce-Murcia, D. Lareen-Freeman. – Heinle and Heinle Publishers, 1999. – 855 p.
25. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.] ; forew. by R. Quirk. – Pearson Education Ltd., 2000. – 1204 p.
26. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – М. : Academia, 2000. – 473 с.
27. *Kruisinga, E.* A Handbook of Present-day English : in 3 vol. / E. Kruisinga. – Groningen, 1931. – Pt. II, vol. 1. – 506 p.
28. *Jespersen, O. A.* Modern English Grammar on Historical Principles / O. A. Jespersen. – Heidelberg, 1931. – Pt. IV : Syntax ; vol. 3 : Time and Tense. – 316 p.

29. *Deutschbein, M.* Aspekte und Aktionsarte im Neuenglischen / M. Deutschbein. – Leipzig, 1939. – 174 p.
30. *Воронцова, Г. Н.* Очерки по грамматике английского языка / Г. Н. Воронцова ; под ред. Н. С. Чемоданова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. – 399 с.
31. *Strang, B.* Modern English Structure / B. Strang. – 2nd ed. – London : Edward Arnold, 1968. – 264 p.
32. *Curme, G. O.* A Grammar of the English language : in 3 vol. / G. O. Curme. – London ; N. Y., 1931–1935. – Vol. 2. – 1931. – 370 p.
33. *Sweet, H.* A New English Grammar, logical and historical : in 2 pt. / H. Sweet. – Oxford : Clarendon Press, 1931. – Pt. I. – 499 p.
34. *Локштанова, Л. М.* К системно-функциональному описанию категорий глагола в германских языках / Л. М. Локштанова // Язык: теория, история, типология / под ред. Н. С. Бабенко. – М., 2000. – С. 420–429.
35. *Блох, М. Я.* Теоретические основы грамматики : учебник / М. Я Блох. – 2-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2000. – 160 с.
36. *Штелинг, Д. А.* Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке : учеб. пособие / Д. А. Штелинг ; отв. ред. Л. И. Кравцова. – М. : МГИМО, ЧеРо, 1996. – 254 с.
37. *Аксютин, Е. Н.* Единая система английского глагола и комплексный путь обучения грамматике / Е. Н. Аксютин // ИЯШ. – 1958. – № 5. – С. 12–23.
38. *Верховская, И. П.* Практикум по английскому языку: Глагол (на англ. яз.) / И. П. Верховская, Т. А. Расторгуев, Л. А. Бармина. – 2-е изд., испр. – М. : Астрель ; АСТ, 2000. – 192 с.
39. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов и ун-тов (на англ. яз.) / Н. А. Кобрин [и др.]. – СПб. : Союз, Лениздат, 2000. – 496 с. – (Изучаем иностр. языки).
40. *Резник, Р. В.* Практическая грамматика английского языка : учебник (на англ. языке) / Р. В. Резник, Т. С. Сорокина, Т. А. Казарицкая. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 688 с.
41. *Comrie, B.* Tense / B. Comrie. – Cambridge Univ. Press, 1993. – 139 p.
42. *Halliday, M. A. K.* An Introduction to Functional Grammar / M. A. K. Haliday. – Edward Arnold, 1987. – 387 p.
43. *Лайонз, Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз ; под ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
44. *Тирофф, Р.* Вид и его взаимосвязь с временем / Р. Тирофф // Типология вида: Проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., МГУ им. М. В. Ломоносова, 16–19 сент. 1997 г. / отв. ред. М. Ю. Черткова. – М., 1998. – С. 454–465.
45. *Dahl, O.* Tense and Aspect Systems / O. Dahl. – Oxford ; N. Y. : B. Blackwell, 1985. – 213 p.
46. *Виноградов, В. А.* Сопряженность как вид отношения между языковыми категориями / В. А. Виноградов // Язык: теория, история, типология / под ред. Н. С. Бабенко. – М., 2000. – С. 50–54.

47. *Бархударов, Л. С.* Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. – М. : Высш. шк., 1973. – 423 с.
48. *Мурясов, Р. З.* Некоторые проблемы контрастивной аспектологии / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 86–112.
49. *Беларуская граматыка : у 2 ч.* / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. : М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1 : Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.
50. *Беларуская мова : вучэб. дапам.* / Э. Д. Блінава [і інш.] ; пад рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выш. шк., 1991. – 351 с.
51. *Мацкевіч, Ю. Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове / Ю. Ф. Мацкевіч ; пад рэд. Р. І. Аванесава. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1959. – 292 с.
52. *Плотнікаў, Б. А.* Фанетыка і марфалогія беларускай мовы : вучэб. дапам. / Б. А. Плотнікаў. – Мінск : Акад. кіравання пры Прэзідэнце Рэсп. Беларусь, 2000. – 116 с.
53. *Сучасная беларуская літаратурная мова: Марфалогія : вучэб. дапам.* / Н. В. Гаўрош [і інш.] ; пад агул. рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : Выд-ва У. М. Скакун, 1997. – 288 с.
54. *Шуба, П. П.* Сучасная беларуская мова: Марфаналогія. Марфалогія : вучэб. дапам. для філал. фак-таў ун-таў / П. П. Шуба. – Мінск : Універсітэцкае, 1987. – 334 с.
55. *Шуба, П. П.* Час дзеяслова / П. П. Шуба // Беларуская мова : энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск, 1994. – С. 609–610.
56. *Мещанинов, И. И.* Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов ; АН СССР. – М. ; Л. : Наука, 1945. – 320 с.
57. *Шуба, П. П.* Дзеяслоў у беларускай мове / П. П. Шуба ; пад рэд. М. Г. Булахава. – Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1968. – 84 с.
58. *Граматыка беларускай мовы : у 2 т.* / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд.: К. К. Атраховіч, М. Г. Булахаў. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1962. – Т. I : Марфалогія. – 540 с.
59. *Сучасная беларуская літаратурная мова : вучэб. дапам.* / Д. В. Дзятко [і інш.] ; пад рэд. Д. В. Дзятко. – Мінск : Выш. шк., 2017. – 588 с.
60. *Храковский, В. С.* Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово / В. С. Храковский // Аналитические конструкции в языках различных типов / отв. ред.: В. М. Жирмунский, О. П. Суник. – М. ; Л., 1965. – С. 209–221.
61. *Абабурка, М. В.* Параўнальная граматыка беларускай і рускай моў : вучэб. дапам. для філал. фак-таў выш. навуч. устаноў / М. В. Абабурка. – Мінск : Выш. шк., 1992. – 224 с.
62. *Тарашкевіч, Б. А.* Беларуская граматыка для школ / Б. А. Тарашкевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1991. – 132 с.
63. *Аракин, В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие для пед. ин-тов / В. Д. Аракин. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1989. – 256 с.
64. *Бондарко, А. В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 260 с.

65. *Бетень, Е. П.* Типология контекстных способов выражения категории перфектности в белорусском и английском языках / Е. П. Бетень // Материалы юбилейной науч. конф. преподавателей и аспирантов МГЛУ, посвященной 50-летию ун-та, Минск, 23–24 апр. 1998 г. : в 3 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 1998. – Ч. 2. – С. 165–168.
66. *Бетень, Е. П.* Конситуация как способ выражения семантико-синтаксической категории длительности (на материале сопоставления белорусского и английского языков) / Е. П. Бетень // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2004. – № (3) 15. – С. 20–28.
67. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 768 с.

The analysis of different approaches towards the grammatical status of the English progressive and perfect verb forms reveals that there are different interpretations of their reference to a certain grammatical category with the category of aspect being the most common view. The comparison of the tense-aspect system in English and Belarusian leads to the conclusion that there is no one-to-one correlation between the number of verb forms and their semantics in the two languages. In speech this “non-correlation” is made up for by the use of other linguistic means (context and consituation).

Поступила в редакцию 06.11.2018

О. О. Графутко

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению лексических единиц, репрезентирующих положительные эмоции восхищения, радости и благодарности в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Анализируются лексемы, которые называют, описывают и выражают позитивные эмоциональные переживания, а также выявляются сходства и различия в составе лексических единиц, функционирующих в дискурсе на двух языках.

Значимость эмоций в жизни человека сложно переоценить. Они являются важным компонентом общения и пронизывают все сферы нашей деятельности, поэтому интерес к их изучению сохраняется много десятилетий, в том числе – со стороны лингвистов.

Цель данной статьи – рассмотрение лексических средств репрезентации отдельных положительных эмоций в художественной прозе на английском и белорусском языках и выявление особенностей их семантики и функционирования в дискурсе. Материалом исследования послужили современные художественные произведения в жанре романа («Purity» Дж. Франзена, «The New Republic» Л. Шрайвера, «Марыянеткі і лялькаводы» і «Перакулены час» М. Южыка, «Цень анёла» М. Клімковіча, У. Сцяпана). Из них методом сплошной выборки были отобраны единицы, дефиниции которых включали семы ‘feeling’, ‘emotion’, ‘state’; ‘пачуццё’, ‘эмоцыя’, ‘стан’ или номинацию конкретной эмоции, а также единицы, которые получали эмотивное значение в контексте. Число анализируемых словоупотреблений составило 804 для английского языка и 531 – для белорусского.